

Глава 19. Спасение с умыслом и тени минувших дней

Маленький послушник в силу возраста был несведущ, но Ли Юйчун с первого взгляда определил: это одеяние соткано из перьев феникса с горы Фэнхуан. К тому же была ещё одна деталь. Фея Э из залива Чанли была личностью легендарной. И пусть самому Юйчуну не доводилось носить её творений, видеть их ему случалось. Он прекрасно знал её привычку оставлять на подоле особый знак — вышитое магическими узорами имя.

И сейчас он отчётливо видел этот едва заметно мерцающий узор.

Сан Ян, прозванная Феей Э с Белыми Руками, слыла первой красавицей среди заклинателей. Но родись она просто миловидной, вряд ли столь многие жаждали бы преклонить колени у её ткацкого станка. Фея обладала не только пленительной внешностью, но и крутым нравом, а главное — редким талантом. Гордая, неприступная, она владела непревзойдённым мастерством ткачества. Ей удавалось безупречно сочетать любые материалы — от тех, что добывались в заоблачной выси Девяти Небес, до сокрытых в глубинах Царства Демонов. Из-под её рук выходили одеяния, граничащие со священными артефактами, и она никогда не знала неудач. Не только обычные заклинатели, но даже могущественные демоны, способные сокрушать миры, порой смиренно молили её о помощи.

Однако её своенравие как раз в том и выражалось: ей было совершенно неважно, кто перед ней — праведный заклинатель или порождение тьмы. Значение имело лишь то, пришёлся ли проситель ей по душе. Всякие выскочки могли сулить ей горы сокровищ или угрожать смертью — если гость был ей не мил, она скорее приняла бы гибель, чем прикоснулась бы к станку. И среди тех, кто получил от ворот поворот, самым известным был нынешний Владыка Демонов, сокрушивший Небесную опору. В те годы он ещё не снискал своей грозной славы богоборца, а лишь объединил под своей дланью земли демонов, чем несказанно потряс всё сообщество практиков.

Ли Юйчун помнил, что тогда у Небесного Владыки Демонов было вполне обычное имя — Фэн Миньчжао. Его не произносили уже больше сотни лет, так что юное поколение заклинателей о нём даже не слышало. Не наткнись тогда Миньчжао на твердыню в лице Сан Ян, его союз с супругой Гуань Юй наверняка вошёл бы в историю как прекрасная легенда о великой любви. Рассказывали, будто Владыка Демонов ради улыбки возлюбленной не только пролил реки крови в демонических безднах, но и в одиночку разгромил школу Пэнлай и Дворец Дракона Южного моря, собирая редчайшие материалы для пошива её крылатого платья. В те дни Фэн Миньчжао, окрылённый триумфом, не терпел возражений. Кто бы осмелился пойти против его воли? И надо же было такому случиться: когда всё необходимое было собрано, Сан Ян наотрез отказалась принимать заказ.

Передавали, что её ответ прозвучал на удивление дерзко:

— Бессмысленные убийства вызывают у меня лишь отвращение, но тех, кто ради прихоти любимой губит невинные души, я презираю стократно. Пусть глупцы в подлунном мире восхищаются твоей преданностью. Злодеяние остаётся злодеянием. Или ты возомнил, что раз обрёл силу, то имеешь право безнаказанно проливать чужую кровь?

Силами она, конечно, уступала Владыке Демонов и за эти слова едва не поплатилась жизнью. Однако предпочла бы смерть измене собственным убеждениям.

Столь гордая и ослепительная красавица неизбежно становилась объектом тайных вздохов и восхищения для каждого, кто хоть раз слышал её имя. О ней грезили повсюду, и слава её гремела на все три мира.

Ли Юйчун, будучи в те времена зелёным юнцом, тоже не миновал этой участи и втайне вздыхал по неприступной ткачихе.

Увы, спасителем Сан Ян из лап разгневанного демона суждено было стать Ся Цинлу, который как раз преследовал монстра. С того памятного дня, пожалуй, и завязался запутанный узел их непростых отношений.

Поговаривали, что с тех пор Сан Ян исполняла любую, даже самую незначительную просьбу Ся Цинлу. Заклинатели всех мастей, сохнувшие по прекрасной деве, скрежетали зубами от зависти, уверенные, что Цинлу вот-вот назовёт её своей супругой. Каково же было их изумление, когда Ся Цинлу сочетался союзом со своей младшей сестрой-наставницей Юй Цинцяо! Общественность решила, что оскорблённая Сан Ян разорвёт с ним всякие связи. Но вопреки всем ожиданиям, даже спустя тридцать лет она продолжала безотказно откликаться на любые его призывы, что повергало мир практиков в полное недоумение.

Ли Юйчун мазнул взглядом по узору на подоле и мысленно хмыкнул.

«И эта хвалёная Фейя Э оказалась столь же банальной, как и все прочие».

Теперь он окончательно удостоверился: этот малолетний заклинитель по фамилии Юй — не кто иной, как Ся Цзинго, сын Ся Цинлу и Юй Цинцяо. Тот самый юноша, чьи пять духовных корней двенадцать лет считались абсолютно бесполезными, пока буквально пару дней назад до некоторых практиков не дошли слухи об истинной причине его «увечья».

От этой мысли Ли Юйчун затрепетал от предвкушения.

Не приюти он у себя почти всех беглецов со Второго Неба, ему, главе скромной и малоизвестной школы, никогда бы не раздобыть столь ценных сведений. Что же касается достоверности... Слухи исходили от самих демонов, и коль скоро их Владыка лично пытался отыскать мальчишку, сомневаться в правдивости не приходилось.

Ли Юйчун не был лишён амбиций. Иначе с чего бы ему в столь грозный час, когда заклинатели терпели бедствие, протягивать им руку помощи и открыто бросать вызов демонам? Своим гостеприимством он рассчитывал снискать доброе имя и авторитет, а заодно переманить под свои знамёна сильных мастеров из разрушенных орденов.

Вот только новоприбывшие мастера, кичась высоким уровнем самосовершенствования, наотрез отказывались подчиняться его приказам и то и дело ставили палки в колёса.

Ли Юйчун считал это верхом неблагодарности. Не приюти он их, какая польза была бы от всей их великой силы? Одиночек демоны с Четвёртого Неба перещелкали бы как орехи.

Всё упиралось в одно: эти наглецы не желали признавать главенство школы Облачного Меча лишь потому, что уровень развития самого Юйчуна уступал их собственному.

Это и было занозой в сердце Ли Юйчуна. Пусть врождённый талант к совершенствованию можно улучшить с помощью редких пилюль, создать их было невероятно трудно. К тому же школа Облачного Меча не могла похвастаться ни древними алхимическими рецептами, ни обилием ценных ингредиентов. За сотню лет упорных трудов его способности продвинулись едва-едва, и он до сих пор безнадёжно топтался на средней стадии Золотого Ядра.

Неудивительно, что случайно услышанные крупницы информации о Ся Цзинго заставили его насторожиться.

А когда его юный ученик в шутливом тоне упомянул странного мальчика, Юйчун решился лично спуститься в подземелье и всё разузнать. Даже если бы он ошибся, визит не пропал бы даром — спасение двух смертных из мира смертных в любом случае укрепило бы его репутацию праведного мужа.

Но теперь, глядя на безошибочный знак на подоле роскошного халата, он едва сдерживал ликование. Сомнений не оставалось: перед ним был Ся Цзинго.

Все эти мысли пронеслись в голове Ли Юйчуна за долю секунды, пока они подходили к дверям временного пристанища Ся Цзинго и Фэн Фулина. Маленький послушник вежливо постучал в деревянную створку:

— Старший брат Юй, это Сюй Юань. Я принёс твою чистую одежду.

В тот же миг дверь с лёгким скрипом отворилась, и на пороге показался мальчик на вид лет двенадцати. Ли Юйчун окинул его взглядом: черты лица тонкие, открытые, весь его облик дышал кротостью. «Что ж, сын Ся Цинлу уродился вполне миловидным, по крайней мере, не вызывает раздражения», — отметил про себя Юйчун.

В его голове мгновенно созрел коварный замысел:

«Школа Девяти Великолепий уничтожена, и этот мальчишка остался совсем один на всём белом свете. Если я притворюсь, будто не знаю, кто он такой, и мягко заманю его к себе в ученики, то с его помощью моя сила станет расти как на дрожжах. Кто тогда посмеет мне перечить?»

Когда послушник представил гостя, Ли Юйчун соизволил нацепить на лицо маску отеческой заботы и благожелательно произнёс:

— Спасение людей не терпит отлагательств. Веди нас.

Услышав, что глава школы лично пришёл на помощь, Ся Цзинго облегчённо вздохнул. Впрочем, намёков и заискивающих интонаций Ли Юйчуна он попросту не заметил — «оливковая ветвь» оказалась слишком тонкой и невзрачной для неопытного юноши. С самого детства Цзинго окружали великие мастера: если не считать вечно дурачащегося дяди-наставника Юня, все старшие в его семье обладали истинно бессмертным величием и душевной теплотой. На их фоне напускная важность Ли Юйчуна выглядела блёкло и обыденно. Мальчик даже не заподозрил, что гордый глава пошёл на неслыханное снисхождение, посчитав его вежливость за должное.

Поблагодарив главу школы, Цзинго повернулся к Фэн Фулину:

— Я пойду с главой Ли, нужно снять барьер. А ты...

Он хотел было велеть другу лежать и залечивать раны, но Фэн Фулин уже вскочил с постели и, натягивая на ходу верхнее платье, твёрдо отрезал:

— Я с вами.

Понимая, что удерживать Фулина силой бесполезно, Цзинго повернулся к главе школы:

— Фулин — близкий друг Сян Жуна и Сян Юй, он очень за них переживает.

Ли Юйчун изобразил на лице высшую степень отрешённости от мирских забот и снисходительно кивнул.

Скользнув взглядом по лицу Фэн Фулина, он на мгновение замер — юноша показался ему смутно знакомым. «Впрочем, за последние десятилетия через мои руки прошло столько смазливых учеников, немудрено и обознаться», — отмахнулся от навязчивой мысли Юйчун. То, что он питал слабость к благообразным молодым людям, ни для кого не было секретом. К несчастью, всех по-настоящему красивых и талантливых юношей первыми забирали себе великие ордены. Школа Облачного Меча довольствовалась малым: способные ученики обычно оказывались уродливыми как смертные грехи, а те, кто обладал приятной внешностью, не имели и капли таланта. Лишь его любимчик Мо Уйи сочетал в себе и ум, и красоту, да и тот достался школе лишь потому, что заблудился в горах и случайно забрёл в их владения.

«Что ж, если этот парень тоже захочет вступить в нашу школу, можно взять обоих. Пусть обделён талантом, одним больше, одним меньше — неважно. Зато с таким лицом его не стыдно будет показать людям для престижа ордена».

Окончив мысленные подсчёты, Ли Юйчун величественно развернулся:

— Идёмте.

Цзинго поспешил вперёд, показывая дорогу к заваленному проходу. Фэн Фулин молча следовал за ним шаг в шаг, а юный послушник, притворив за ними дверь, пристроился сзади, не желая упускать зрелище.

Оказавшись у земляного склона, Ли Юйчун мысленно скривился от презрения: здешний барьер был установлен настолько топорно, что обнаружить его не составило никакого труда. Не дожидаясь расспросов, он взмахнул рукавом. Под действием его магии защитный купол школы Облачного Меча послушно приоткрылся с краю, а затем пласты земли и камней начали один за другим плавно сдвигаться в сторону, обнажая завал.

Вскоре перед ними показался свод пещеры, где некогда собиралась чистейшая эссенция солнца и луны.

Ли Юйчун, считавший себя непревзойдённым мастером защитных формаций, решил во что бы то ни стало поразить юного наследника Школы Девяти Великолепий своим искусством. Лёгким, едва уловимым движением пальцев он направил тонкую струйку духовной энергии, которая мгновенно рассеяла чужой барьер без остатка. Это был его личный предмет гордости. Юйчун не сомневался: даже в прославленной Школе Девяти Великолепий вряд ли нашлось бы много мастеров, способных манипулировать защитными печатями с такой же ювелирной точностью.

Закончив пасс, он медленно опустил руки и заложил их за спину, приняв позу величественного мудреца в ожидании заслуженных восторгов и славословий от Ся Цзинго.

Увы, Цзинго обладал столь ничтожным уровнем самосовершенствования, что он не заметил никаких изменений в убежище крысиного оборотня. Он даже не понял, что преграда пала, и уж тем более не оценил всей филигранности и изящества исполненного трюка.

Знай Ли Юйчун, насколько далёк был этот мальчик от глубин магии, его наверняка расшиб бы апоплексический удар.